

1

Вперед, обезьяны! Вы что, хотите жить вечно?

Неизвестный сержант, 1918

Перед десантированием я всегда трясусь от страха. Конечно, сначала меня подвергают медикаментозной и гипнотической обработке, и это подразумевает, что бояться я не способен в принципе. Пока я спал, бортовой психиатр изучал волны моего мозга и задавал дурацкие вопросы, а потом объяснил: это никакой не страх и вообще ничего серьезного, ретивая скаковая лошадь перед стартовыми воротами тоже дрожит от нетерпения.

Не знаю, что и сказать, — в шкуре скаковой лошади не побывал. Но факт остается фактом: каждый раз перед высадкой меня бьет проклятый мандраж.

За полчаса до начала высадки мы собрались в десантном трюме «Роджера Янга»¹, и командир взвода устроил нам проверку. На самом деле он временно исполнял обязанности взводного, поскольку лейтенанта Расчека мы потеряли в последнем бою. Штатная

¹ *Роджер Уилтон Янг* (1918–1943) — американский солдат-пехотинец. Во время Второй мировой войны, вопреки полученному приказу отступить, он, раненный, пополз к японскому доту, стреляя и кидая гранаты. Янг погиб, но благодаря его подвигу товарищи Роджера смогли отступить без потерь. — *Здесь и далее примеч. Е. Добрыхотовой-Майковой.*

же должность борт-сержанта сверхсрочной службы Джелала — заместитель командира взвода.

Джелли был финско-турецкого происхождения, родом с Искандера, который обращается вокруг Проксимы. Чернявый и низкорослый, он смахивал на клерка. Но однажды этот «клерк» у меня на глазах управился с двумя разбушевавшимися рядовыми, да какими здоровенными! Ему пришлось вскинуться на цыпочки, чтобы схватить их за грудки и стукнуть головами. Грохот был такой, будто кокосовые орехи со всей дури шарахнули друг о дружку, а затем сержант отошел, позволив буянам растянуться на палубе.

В личное время он был неплохим парнем для сержанта, даже позволял называть себя «Джелли» в лицо. Конечно, не новичкам позволял, а только тем, у кого на счету минимум одна боевая высадка. Но сейчас он находился при исполнении.

Каждый из нас должным образом проверил свое оружие и экипировку — лучше тебя самого о твоей шкуре никто не позаботится. Потом временный взводный сержант прошелся вдоль строя¹ и тщательно всех осмотрел, а теперь этим занялся Джелли — лицо суровое, от глаз не укроется ничто. Он задержался возле стоящего передо мной солдата, нажал на его поясе кнопку биометрического датчика:

— Выйти из строя!

— Сардж², ну пожалуйста! Это же просто насморк.

Доктор сказал...

— «Сардж, ну пожалуйста!» — передразнил Джелли. — Доктор с нами не прыгает. И ты не прыгнешь,

¹ В армии США должность заместителя командира взвода — сержантская. Большинство воинских званий и должностей взяты автором из структуры воинских формирований США.

² *Сардж* — сержант на американском военном сленге.

с температурой на полтора градуса выше нормы. Недосуг мне с тобой болтать перед высадкой. Выйти из строя!

Охваченный злостью и досадой, Дженкинс убрался из трюма. Я тоже огорчился, но не за него, а за себя. Гибель лейтенанта вызвала смещение по вертикали, я стал заместителем командира второй секции¹, а теперь в ней образовалась дырка, и нечем ее заткнуть. Вопрос: если в бою кому-то из нас придется туго, кто явится на выручку?

Джелли больше никого не отстранил. Он вышел на середину строя, обвел нас взглядом и грустно покачал головой:

— Обезьянья стая, да и только. Если внизу вы все «купите ферму»², может быть, командование начнет с чистого листа и соберет роту, о которой мечтал лейтенант. Хотя вряд ли — не тот нынче солдат пошел.

Джелли вытянулся в струнку и прорычал:

— Обезьяны! Мой долг — напомнить, сколько стоит государству мобильный пехотинец. Скафандр, оружие, боеприпасы, приборы, обучение и все прочее, в том числе жратва от пуза, — это полмиллиона с гаком. Добавляем тридцать центов — реальную стоимость любого из вас — и получаем умопомрачительную сумму. — Он грозно выпучился на шеренги и потребовал: — Так что соизвольте доставить ее назад!

¹ Наименьшее тактическое подразделение Корпуса мобильной пехоты Вооруженных сил Земной Федерации — взвод. Он состоит из двух секций по три отделения.

² «*Купить ферму*» на американском военном жаргоне означает «погибнуть». Выражение появилось в ходе Второй мировой войны, когда частая гибель летчиков в тренировочных полетах сопровождалась разрушением сельскохозяйственных построек, пожарами на полях и т. п. Наносимый фермерам ущерб компенсировало правительство.

Мы можем легко найти замену вам, но не вашим модным костюмчикам. В моем взводе герои без надобности. Лейтенант тоже не ценит подвигов. Вам поручена работа, вы спуститесь на грунт и сделаете все как положено. А сыграют отбой — ушами не хлопать! По порядку номеров — галопом к точке эвакуации. Что неясно? — Он опять состроил свирепую мину. — Считается, что план боя вы знаете. Но тут не у всех имеются мозги, которые можно обучать под гипнозом, поэтому повторю вкратце. Высадка в две волны, расчетная дистанция между ними — две тысячи ярдов. Сразу по приземлении взять пеленг на меня, определить дистанцию до обоих соседей, одновременно найти укрытие. Вы уже потеряли десять секунд, и теперь ваша задача — громить все доступные цели, пока не приземлятся фланговые.

Он говорил, в частности, обо мне. Заместитель командира секции должен находиться на левом фланге, без локтевого соприкосновения с одного боку. Меня затрясло.

— Как только они доберутся до грунта, вы все бросаете и выпрямляете цепи, равняете интервалы. Двенадцать секунд. Теперь в атаку — прыжками, чет и нечет. Замы командиров секций управляют охватом. — Он посмотрел на меня. — Если все сделаете как надо, в чем я сомневаюсь, фланги сомкнутся в тот момент, когда придет сигнал к отходу... И тогда — домой. Вопросы?

Вопросов не последовало — впрочем, как всегда.

— И последнее, — добавил Джелли. — Это все го лишь налет, а не полноценный бой. Демонстрация огневой мощи и запугивание. Наша задача — внушить противнику, что мы способны уничтожить его

города. Хотя мы и воздерживаемся от ковровых бомбежек, он не должен заблуждаться насчет своей безопасности. Пленных не брать, убивать только в крайнем случае. Но в зоне нашей операции должна остаться выжженная земля. Чтобы ни один раздолбай не вздумал вернуться с неистраченным боекомплексом. Что неясно?

Он взглянул на хронометр.

— У «хулиганов Расчека» серьезная репутация, ее необходимо беречь. Покупая ферму, лейтенант приказал передать, что всегда будет приглядывать за вами, ни на минуту из виду не упустит... И он ждет, что вы покроете славой свои имена! — Джелли оглянулся на сержанта Мильяччо, командира первой секции. — Пять минут для Падре.

Некоторые парни вышли из строя и опустили на колени перед Мильяччо. Причем не только его единоверцы. Мусульмане, христиане, гностики, иудеи — все, кто хотел получить от него напутствие перед высадкой.

Я слышал, что раньше в некоторых подразделениях капелланы не воевали наравне с остальными солдатами, и это просто не укладывалось у меня в голове. Нет, правда, разве может священник благословить человека на дело, которым сам заниматься не хочет? Не важно, как с этим обстояло у других, а в мобильной пехоте десантируются и сражаются все: и капеллан, и повар, и даже писарь Старика. Когда мы умчимся по трубам, на борту не останется ни одного «хулигана», кроме Дженкинса, конечно, но это не по его вине.

Я не пошел к капеллану. Да и раньше не подходил перед высадкой, боялся, что будет замечена моя

дрожь. Ничто не мешает Падре благословить меня дистанционно, со своего места.

Но он, отпустив последнего из паствы, подошел ко мне и прижал свой шлем к моему, чтобы не услышали посторонние.

— Джонни, — тихо обратился он, — сегодня ты идешь в бой унтер-офицером.

— Ага. — Вообще-то, я такой же унтер, как Джелли — офицер.

— Вот что я тебе скажу, Джонни: не спеши покупать ферму. Свою задачу ты знаешь, просто выполни ее. Сделай, что должен, и только. Не пытайся заслужить орден.

— Хорошо, не буду. Спасибо, Падре.

Миляччо что-то тихо добавил на незнакомом мне языке, похлопал по плечу и отошел к своей секции.

— Отставить разговоры! — рявкнул Джелли, и мы все замерли. — Внимание, взвод!

— Секция! — эхом вторили Миляччо и Джонсон.

— Посекционно! К правому и левому борту! Приготовиться к десантированию!

— Секция! Занять капсулы! Пошли!

— Отделение! — Мне пришлось дожидаться, когда четвертое и пятое отделения займут свои капсулы и уедут по пусковой шахте.

Наконец у правого борта показалась моя капсула. Интересно, древние вояки тоже тряслись, когда забирались в троянского коня? Или только у меня такая дурная привычка?

Джелли проверил крепления у каждого бойца, а мои застегнул собственноручно. При этом наклонился ко мне и сказал:

— Соберись, Джонни. Всё как на учениях.

Он опустил крышку, и я остался один.

Всё как на учениях? Ну да, как же. Я перестал бороться с дрожью.

В шлемофонах зазвучал доклад Джелли из осевой шахты:

— Рубка! «Хулиганы Расчека» к десантированию готовы.

— Семнадцать секунд, лейтенант, — услышал я жизнерадостное контральто шкипера и отметил, что Джелли назвали лейтенантом.

Что ж, наш командир мертв, и Джелли может унаследовать его звание и должность, но мы-то по-прежнему «хулиганы Расчека».

— Удачи, мальчики.

— Спасибо, капитан.

— Держитесь! Пять секунд.

Я был весь перетянут ремнями: крепления на животе, на лбу, на лодыжках. Но трясся сильнее, чем раньше.

Когда меня сбросят, станет полегче. До тех пор буду лежать в крошечной мгле, спеленутый, точно мумия, для защиты от перегрузок, едва способный дышать. Если снять шлем, что в принципе невозможно, задохнешься мигом — капсула заполнена азотом. Вдобавок она уже несется в пусковой шахте, и если корабль погибнет до того, как ты вылетишь наружу, — не успеешь даже помолиться, сразу умрешь, совершенно беспомощный, не способный даже шевельнуться. Вот это бесконечное ожидание во мраке и вызывает мандраж. В голову лезут мысли о том, что о тебе забыли, что корабль продырявлен, что он, мертвый, обречен вечно кружиться на орбите, а ты пока жив только потому, что в баллонах скафандра есть воздух. Если же ты на спиральной орбите, у тебя только два

варианта: сгореть по пути к планете или разбиться об нее всмятку.

Но вот заработала программа торможения корабля, и мне стало не до страхов. Шутка ли, восемь *g*, а то и десять! Когда пилот — женщина, о комфорте не стоит мечтать. Обязательно останутся синяки на коже в местах ее соприкосновения с креплениями. Да-да, я в курсе, что женщины пилотируют лучше, чем мужчины. Они шустрее реагируют, не так чувствительны к перегрузкам. Женщина быстрее доставит тебя на позицию, быстрее эвакуирует, тем самым повысив твои шансы, а заодно и свои. Но все же мало приятного, когда на позвоночник наваливается вес, десятикратно превосходящий твой собственный.

Тем не менее я должен признать, что капитан Деладре свое дело знала туго. После того как «Роджер Янг» прекратил торможение, она не потеряла ни секунды. Я тотчас услышал ее отрывистую команду:

— Осевая шахта — выброс!

И ощутил два толчка отдачи, означающие, что сброшены Джелли и его временный взводный сержант.

И тотчас:

— Левая, правая шахты — выброс!

Это уже пошли на высадку мы, остальные.

Бум! — и капсула рывком продвигается вперед. *Бум!* — и она опять смещается, точно патрон в трубчатом магазине старинного ружья. Да, наши капсулы — те же самые патроны... Только у ружья три ствола — одинаковые пусковые шахты в брюхе десантного космолета. В каждой капсуле хватает места — я бы сказал, едва хватает — для пехотинца в полной боевой экипировке.

Бум!

Прежде я всегда шел третьим номером, теперь я «хвостовой Чарли»¹, десантируюсь замыкающим. На этом этапе у меня очень скучная роль, даром что капсулы отстреливаются ежесекундно. Пытаюсь считать: *бум!* — двенадцать, *бум!* — тринадцать, *бум!* — четырнадцать (звук немного другой: капсула, в которой должен был лежать Дженкинс, пуста).

И наконец — дзинь! — настал черед моему «патрону» зайти в «патронник».

УАМ-БУ-У-У! — свирепый толчок; по сравнению с ним тормозной маневр нашего капитана — просто любовная ласка.

И вдруг — ничего!

Совсем ничего. Ни звуков, ни давления, ни веса. Парю в темноте и невесомости... свободное падение на планету, которую доселе в глаза не видал. До эффективной атмосферы миль тридцать. Зато меня больше не трясет. Самое мерзкое — ожидание на борту корабля, а снаружи совсем не страшно. Если что-то не заладится, ты даже не успеешь это осознать. Выяснять будешь уже на том свете.

Капсула закачалась и завихляла, потом выровнялась. Вернулся вес... он быстро рос, пока не стал моим полным весом для этой планеты (здесь 0,87 g, сказали нам на инструктаже), когда капсула достигла равновесной скорости² для верхних разреженных слоев атмосферы. Если пилот — подлинный художник своего дела, а капитан принадлежала именно к такой породе, он введет корабль в стратосферу и затормозит с тем расчетом, чтобы твоя скорость при выбросе

¹ «Хвостовой Чарли» — во время Второй мировой войны так называли последний самолет в строю английских бомбардировщиков.

² *Равновесная скорость* — скорость падения, когда сила сопротивления воздуха равна силе гравитации.

точно соответствовала скорости вращения планеты на этой географической широте. Капсула с десантником внутри тяжела и через высотные струйные течения проходит без значительного смещения курса. И все равно четкий строй взвода ломается сразу после выброса, сквозь атмосферу капсулы летят аморфным роем. Слабый пилот еще больше усугубит проблему, так широко разбросав штурмовую группу, что она не сможет собраться для эвакуации, и уж какое тут выполнение боевой задачи. Чтобы пехотинец сражался, кто-то должен доставить его на поле боя. Наверное, хорошие пилоты на войне не менее важны, чем наш брат стрелок.

Судя по тому, как мягко моя капсула вошла в атмосферу, капитан обеспечила ей практически нулевой горизонтальный вектор. Я мог только порадоваться — и за мой взвод, который приземлится плотной группой, не потеряв зря ни минуты, и за пилота, который, несомненно, будет так же сообразителен и аккуратен на финальном этапе операции.

Наружная оболочка прогорела и отвалилась — не вся, судя по тому, что меня кувыркнуло. Но вот следел оставшийся кусок, и я выровнялся. Заработали турбулентные тормозные устройства второго слоя, и началась болтанка, которая усилилась по мере того, как они прогорали один за другим и вторая оболочка отваливалась кусками.

Если что и дает каппеху надежду дотянуть до пенсии, так это наши маленькие технические хитрости. В частности, распад оболочек капсулы — он не только замедляет падение десантника, но и густо наполняет мусором небо над зоной высадки. Каждая боевая единица создает для чужого радара десятки ложных целей, и попробуй выявить среди них человека, или

бомбу, или еще какой «подарок». В такой ситуации баллистическому компьютеру проще сгореть от умственного перенапряжения, что он и делает.

Для пущей потехи корабль выпускает очередь яиц-болванок сразу после выброса настоящих капсул, и эти болванки падают быстрее, чем мы, ведь им не нужно ронять «шелуху». Они умеют вихлять при помощи маневровых дюз, действовать как радиолокационный маяк-ответчик, взрываться, пробивая дыру в обороне, и другими способами усугублять растерянность встречающей делегации.

Между тем корабль настроен на радиомаяк твоего командира взвода и, не обращая внимания на им же созданные радарные помехи, рассчитывает место твоего приземления — на будущее.

Сгорела вторая оболочка, а третья автоматически выпустила первый ленточный парашют. Продержался он недолго, но на это и был расчет; один мощный рывок на несколько g , и парашют отправился своей дорогой, а я — своей. Второй продержался чуть дольше, а третий — уже приличное время. Внутри капсулы стало жарковато — до грунта уже недалеко.

Оторвался третий парашют, развалилась третья оболочка, и я остался в пластмассовом яйце, по-прежнему пристегнутый крепко-накрепко. Пора определиться с выбором места и способа посадки. Крепления не позволяли полноценно работать руками, но я мог шевелить пальцами, вот и включил большим высотомер, а он вывел цифры на тактический дисплей, расположенный в шлеме напротив моего лба.

Одна целая и восемь десятых мили. Пожалуй, дистанция слишком мала, чтобы чувствовать себя уютно, особенно в отсутствии компании. Лечу уже с постоянной скоростью, больше нет смысла сидеть

в яйце, а оболочка, судя по ее температуре, автоматически откроется еще не скоро. Значит, надо от нее избавиться. Что я и сделал, перекинув другим большим пальцем другой тумблер.

Сначала отстрелились все пристяжные ремни, а со вторым хлопком пластмассовая оболочка разлетелась на восемь кусков. И вот я свободен, сижу в воздухе — и наконец вижу, что происходит вокруг! А главное, обломки скорлупы металлизированы. Покрытия нет лишь у маленького фрагмента, через который измерялась высота, а все остальные отражают луч радара совсем как боевой скафандр. Любой оператор локатора, не важно, живой он или кибернетический, намушачается, отсортировывая меня от ближайшего мусора, не говоря уже о тысячах других обломков, рассеянных на несколько кубических миль вокруг.

В ходе подготовки мобильному пехотинцу дают посмотреть — и своими глазами, и посредством радара, — как хаотично выглядит картина высадки для противника. Делается это специально, чтобы ты не чувствовал себя в небе голым и беззащитным, точно новорожденный младенец. Не то, чего доброго, с перепугу слишком рано раскроешь парашют и превратишься в сидячую утку. (А что, утка умеет сидеть? И если да, зачем ей это?) Или вообще его не раскроешь и сломаешь ноги, а то и хребет с черепом заодно.

Я потянулся, прогнал судорогу из мышц, повертел головой. Затем сложился пополам и резко выпрямился, ныряя ласточкой, — надо было хорошенько рассмотреть, что творится внизу. На этой стороне планеты — ночь, как и предусмотрено планом, но инфракрасные очки позволяют отлично видеть местность — конечно, если к ним приноровиться. Почти непосредственно подо мной река, пересекающая го-

род наискось, ярко сияет — вода теплее суши. Мне все равно, на каком берегу приземляться, лишь бы в самую реку не угодить, а то потеряю время.

Я заметил вспышку справа, почти на моей высоте. Похоже, какой-то недружелюбный туземец спалил кусок сброшенной мною капсулы. Я тотчас же выпустил парашют, надеясь соскочить с экрана радара, который следит за приближающимися целями. Сгруппировавшись, я выдержал рывок, а еще секунд через двадцать отстрелил парашют — не хотелось выделяться среди мусора, падающего с другой скоростью.

Трюк сработал, судя по тому, что меня не сожгли.

На высоте порядка шестисот футов я выпустил следующий парашют... и очень скоро обнаружил, что меня сносит на реку. Предстояло пролететь в ста футах над приземистым зданием — наверное, складским. Я рискнул сбросить парашют и довольно жестко, но вполне благополучно приземлился на плоскую крышу. Спасибо прикрепленным к скафандру реактивным двигателям вертикального взлета и посадки. Я сразу же поискал маяк сержанта Джелала. И узнал, что нахожусь не на той стороне реки. Круг компаса в моем шлеме показывал звездочку Джелли далеко на юге — я чересчур сместился к северу.

Определив местонахождение ближайшего комода (он тоже отклонился от расчетной точки, причем на добрую милю) и подбежав к тому краю крыши, что был обращен к реке, я позвал:

— Туз! Давай в цепь!

И бросил за спину гранату, уже летя через реку.

Ответ был ожидаемым. Именно Туз должен был занять мой нынешний пост, да только он не захотел оставить свое отделение. Но и получать от меня приказы он не желал.

Склад взлетел на воздух, взрывная волна догнала меня над рекой — напрасно я надеялся укрыться от нее за домами над другом берегу. Она сбила с толку мои гиростабилизаторы, и я едва не закувыркался вниз. Надо было дать гранате пятнадцатисекундную задержку... А разве я этого не сделал? Тут я сообразил, что позволил себе войти в раж, чего категорически нельзя допускать на грунте. «Всё как на учениях», — напутствовал Джелли, и он был совершенно прав. Не спешите и продумывайте каждое действие, полсекунды — невелика потеря.

Завершив прыжок, я проверил местонахождение Туза и снова приказал ему выровнять линию. Он не ответил, но линию выравнивать начал, и я решил не устраивать скандал в эфире. Туз уже взялся за дело, и это главное, а хамство можно и потерпеть. До конца операции.

Вот вернемся на корабль, и, если Джелли оставит меня в должности заместителя командира секции, мы с Тузом найдем тихое местечко и выясним, кто из нас главный. Он — капрал и контрактник, а я срочник и всего лишь ланс на капральской должности, но сейчас он у меня под началом, а в бою неподчинение недопустимо. Систематическое — уж точно.

Но мне недосуг было об этом рассуждать. Летя через реку, я заметил аппетитную цель — большую группу зданий на склоне холма. Похоже, они общественного назначения — может, храмы, а может, дворцовый комплекс. Надо с ними разобраться, не дожидаясь, когда их обнаружат другие.

Они стояли в нескольких милях от выделенной нам для зачистки зоны, но тактика «ударил-убежал», как правило, вынуждает штурмовую группу до половины боекомплекта расходовать на обработку приле-

гающих территорий. Делается это по разным причинам, например, чтобы дезориентировать противника. Когда твое местонахождение он знает лишь приблизительно, а ты не стоишь на месте и работаешь споро, больше шансов выполнить боевую задачу. К тому же враг всегда имеет огромное численное превосходство. А значит, твои лучшие союзники — скорость и внезапность.

Реактивный гранатомет я зарядил, когда второй раз приказывал Тузу подтянуться. В разгар спора наши голоса перекрыла команда Джелли по общей связи:

— Взвод! Прыжками!

— Вперед! — подхватил командир моей секции, сержант Джонсон. — Прыжками! Нечетные, пошли!

Секунд на двадцать я остался не у дел. Чтобы не простаивать, запрыгнул на ближайшее здание, кинул гранатомет к плечу и нажал на первую гашетку, чтобы граната навелась на цель. Прикосновением ко второму спуску благословил ее в дорогу и соскочил обратно на землю.

— Вторая секция, четные номера! — Я произвел в уме обратный отсчет и скомандовал: — Пошли!

И сам устремился вперед. Надо было перепрыгнуть через следующую шеренгу зданий, и уже в полете я окатил первую, прибрежную, из ручного огнемета.

На вид постройки деревянные, явно успевшие созреть для хорошего пожара. Не исключено, что на этих складах хранятся нефтепродукты, а то и взрывчатка.

Едва я приземлился, мой наплечный спаренный ракетомет на Y-образной станине выбросил два миниатюрных, но начиненных сверхмощной взрывчаткой